Библіографія.

— Въ «Жур. Мин. Нар. Пр.» за дек. 1879 г., помѣщена г. Поздѣевымъ обстоятельная рецензія на «Грамматику монголо-бурятскаго разговорнаго языка», составленную г. А. Орловымъ, преподавателемъ Иркутской духовной семинаріи. Рецензентъ отнесся къ работѣ г. Орлова не съ похвалой. Трудъ этотъ, говоритъ онъ почтенному и кропотливому дѣятелю, хотя и составляетъ — по словамъ самого автора — результаты его сорока-лѣтнихъ занятій монгольскимъ языкомъ, но, тѣмъ не менѣе, должно сказать, что трудъ этотъ, не удовлетворяя самымъ умѣреннымъ научнымъ требованіямъ, свидѣтельствуетъ только о томъ, что авторъ его не имѣетъ даже элементарной общей подготовки въ сферѣ филологическихъ знаній. Не смотря, однако, на то, грамматика эта издана православнымъ миссіонерскимъ обществомъ. Отвергнувъ, подъ предлогомъ неудобопонятности, массивный и серьезный, хотя и не безукоризненный трудъ покойнаго преосвященнаго Нила, по переводу священнаго писанія на монголо-бурятскій литературный языкъ, дѣятели миссіонерскаго общества начали свои переводы духовныхъ книгъ на такъ называемый ими разговорный бурятскій языкъ. Изданіе грамматики протоіерея Орлова, повидимому, имѣетъ цѣлью — разъяснить, что такое разумѣютъ монголисты миссіонерскаго общества подъ названіемъ этого языка. Сперва завѣдующій монгольскимъ отдѣломъ общества имѣлъ намѣреніе издать въ руководство отцамъ миссіонерамъ, къ изученію бурятскаго языка и составленію переводовъ на оный, грамматику Кастрена (изданную на нѣмецкомъ языкѣ академикомъ Шифнеромъ и переведенную на русск. архимандритомъ Епифаніемъ), но потомъ, этой послѣдней была предпочтена грамматика протоіерея Орлова. Очевидно, стало быть, что книга издана не наобумъ, что она предназначена служить руководствомъ при составленіи переводовъ. Доказать, однако, ея непригодность для этой цѣли, можно было бы по самымъ переводамъ [заключающимся въ грамматикѣ.] Въ одномъ мѣстѣ рецензентъ даже обвиняетъ составителя грамматики въ плохомъ знаніи русскаго языка. Мы не можемъ быть судьей въ этомъ спеціальномъ дѣлѣ, но, насколько доступно судить о немъ не спеціалисту, должны признать, что, повидимому, въ замѣткахъ г. Поздѣева много правды. Однако, есть мѣста въ его рецензіи, которыя могутъ показаться странными. Такъ, г. Поздѣевъ, приводя переводъ одной монгольской фразы, сдѣланный о. Орловымъ «разумный конь, только что объѣженный буланка, это я въ юности подъ ласкою батюшки да матушки,» спрашиваетъ: есть-ли какой смыслъ въ такой рѣчи? И затѣмъ, дѣлаетъ свой переводъ: «рыжій неукъ — лошадь съ достоинствомъ; это маленькое существо мое самовольно у батюшки и матушки.» Кромѣ того, что рецензентъ, вопреки общему правилу, согласовалъ имя прилагательное съ эпитетомъ неукъ, переводъ его, намъ кажется, темнѣе, чѣмъ у о. Орлова.

— Въ «Семипал. Обл. Вѣд.» въ № 2 и 3 напечатанъ очеркъ «Отъ ур. Тау-текеля до ур. Казылъ-Гезень.» Выписываемъ изъ него слѣдующее курьезное мѣсто: «причину появленія этихъ камней (дѣло идетъ о каменной розсыпи, залегающей по дну ущелья) найти, мнѣ кажется, не трудно; главная причина--это, конечно, вода... вторая причина — это удары молніи во время грозы. Мнѣ разсказывали, что на вершинахъ горъ молнія не только отшибаетъ громадные камни, но иногда, раздробляя ихъ, образуетъ большія каменныя розсыпи.» И редакція вѣритъ этому?

НЕКРОЛОГЪ.

И чѣмъ жизнь свѣтлѣй и чище,
Тѣмъ нещаднѣе судьба...
Раскрывайся же кладбище,
Принимай гроба!

20 минувшаго января, въ 6 часовъ утра, скончался въ с. Николаевскомъ, Ачинскаго Округа, Священникъ Сергѣй Александровичъ Стрѣтенскій. Покойный, съ основанія газеты «Сибирь», состоялъ постояннымъ ея сотрудникомъ. Помимо мелкихъ корреспонденцій, которыми онъ неистощимо снабжалъ редакцію о разныхъ, требовавшихъ гласности, случаяхъ въ жизни Ачинскаго Округа, многія его серьезныя статьи, касавшіяся экономическихъ мѣстныхъ вопросовъ, занимали на страницахъ газеты передовое мѣсто и обращали на себя вниманіе Петербургской печати; таковы напримѣръ: «На мосты и дороги», «Золотая лихорадка», «Своимъ судомъ», «Экономическій бытъ крестьянъ въ Ачинскомъ Округѣ» и другія. Кромѣ того, онъ участвовалъ въ спеціальныхъ органахъ «духовной литературы», въ «Современности» и въ «Наставленіи для Сельскихъ пастырей». Помѣщенныя въ послѣднемъ журналѣ, за 1878 годъ, его «Записки Сельскаго Священника» представляютъ подавляющее описаніе тяжелой жизни интеллигентнаго, русскаго священника въ деревенской глуши, рядомъ съ бытовыми сторонами этой глуши, — жизни, которая унесла уже не мало жертвъ изъ просторнаго ряда русскихъ мыслителей, и гнетъ которой покойный въ теченіи 17 лѣтъ выносилъ на себѣ. Послѣ смерти его, осталось много литературныхъ трудовъ, еще нигдѣ не напечатанныхъ вслѣдствіе того, что С. А. крайне строго относился къ печатному слову, благоговѣя передъ нимъ и считая его такой святыней, которую «нельзя сквернить не чистымъ прикосновеніемъ». Одинъ изъ такихъ трудовъ, «Сибирскіе мученики», въ не далекомъ будущемъ, долженъ появиться въ печати.

Вотъ краткія біографическія свѣдѣнія о покойномъ. Сынъ Ачинскаго соборнаго протоіерея, маститаго, всѣми уважаемаго старца, имѣвшаго несчастіе пережить горячо любимаго сына, С. А., окончивъ курсъ въ Томской семинаріи, три года состоялъ преподавателемъ при Томскомъ духовномъ училищѣ, а въ 1863 году, по желанію родителя, посвятилъ себя служенію церкви. Какъ ни была тяжела для него эта карьера, какъ ни расходилась она съ его внутреннимъ строемъ, — онъ всегда относился къ ней честно и добросовѣстно, заслуживъ любовь и полное уваженіе прихожанъ примѣрнымъ безкорыстіемъ и тою теплою душевною добротою, которая была по истинѣ, присуща его христіанско-поэтической натурѣ. Да инымъ онъ и не могъ быть! Музыкантъ, живописецъ, поэтъ, человѣкъ съ запасомъ научныхъ знаній и съ эстетическимъ чутьемъ, — онъ всегда горячо сочувствовалъ излюбленному сибирскому народу. Любовь къ Сибири доходила въ немъ до экзальтаціи. Свидѣтельствомъ этаго чувства служитъ стихотвореніе его, «Въ Сибирской глуши», начало котораго я привожу здѣсь, въ память покойнаго:

Вѣчно томимый завѣтной кручиною,
Грустно стою предъ родимой картиною...
Робкое сердце тревожно стучитъ;
Каркнетъ ли воронъ, вьюга-ль загудитъ —
Чувству такъ больно, и мысль подавляется,
Словно, весь міръ умирать собирается.
Вотъ они, грозно-тяжелые дни!
Медленно, страшно проходятъ они,
Точно надъ степью раздольно суровою,
Туча за тучею массой свинцовою;
Даль непроглядная мутно-темна...
Что-то въ грядущемъ готовитъ она!
Бѣдная родина, съ бѣдной природою!
Ты-ли кичишься просторомъ — свободою!
Ты-ли гордишься безъ края тайгой,
Степью раздольной и рѣкъ глубиной?
Знаю, сильна ты своими предѣлами;
Выси твои съ очертаньями смѣлыми,
Снѣжными шапками въ небо ушли, —
Нѣту богаче и шире земли!
Но, разскажи-жь, безпривѣтно-холодная,
Гдѣ твоя нива завѣтно-свободная?
Или въ твоей перемерзлой груди
Зрѣетъ она и взрастетъ впереди?
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Жду я отвѣта, родная земля!
Но, безотвѣтны пустыя поля...
Бѣдная родина, съ бѣдной природою! ..
. . . . . .
Миръ твоей свѣтлой памяти: успокоившійся другъ!
„Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!“ —

Евгеній Ф—ъ.

Очерки общественной жизни.

Ожиданіе юбилея.

Въ № 44 газеты «Сибирь» помѣщена замѣтка, напоминающая сибирякамъ о юбилеѣ трехсотлѣтія Сибири, оканчивающаяся обращеніемъ къ нимъ: «Проснитесь, сибиряки»!

Обращеніе, наводящее на размышленія! «Если мы не заговоримъ, говорите вы, объ насъ забудутъ»! Все это вѣрно, такъ же, какъ и то, что мы спимъ или безмятежно почиваемъ. Но, если мы спимъ, то странно, — что-же можетъ разбудить насъ? Мы рѣшительно не можемъ придумать такого табаку, который могъ бы заставить чихнуть такое большое, грузное и зарывшееся въ своихъ пуховикахъ тѣло, какъ наше общество. Если оно спитъ, то, значитъ, оно еще не выспалось. Есть такіе организмы; живутъ они растительною или животно — растительною жизнью одного питанія и нарощенія силъ, какъ дѣти извѣстнаго возраста. Поѣлъ себѣ изъ рожка — и въ люльку, опять поѣлъ — и опять спитъ; такъ года идутъ. Общество, это только Гаргантюа — ребенокъ, для котораго существуютъ милліоны барановъ, тысячи быковъ и коровъ, котораго кормятъ прислужники - рабы, нося ведра разныхъ питій по лѣсамъ соціальной лѣстницы. Сибирское общество, мнѣ, какъ человѣку любящему художественные образы, представляется подобнымъ большимъ ребенкомъ въ ермолкѣ, лежащимъ въ огромной люлькѣ; вмѣсто кашки, оно ежедневно поглощаетъ милліоны пельменей и потребляетъ сотни бочекъ сивухи, а потомъ, опять засыпаетъ, можетъ быть, изрѣдка поигравши повѣшеннымъ надъ его носомъ, краснымъ шерстянымъ мячикомъ. И, отъ такого ребенка требовать, чтобы онъ проникся сознаніемъ, какъ взрослый человѣкъ, своего совершеннолѣтія, чтобы его охватило торжественное настроеніе отъ идеи, чтобы онъ критически отнесся къ своей исторіи, почувствовалъ грусть за прошлое, или увидѣлъ свѣтовую точку въ будущемъ, — словомъ, доросъ до гражданскихъ чувствъ, общественныхъ и историческихъ интересовъ, и погрузился въ міръ отвлеченныхъ представленій, въ міръ идей!... Это — растительное существо, котораго никогда не снѣдало чувство общественной скорби, которое никогда, въ длинныя ночи ожиданія разсвѣта, не восклицало еще: «Боже мой, какая тоска!», которое не чувствовало смертельной боли разочарованія, какъ и тихаго, сладкаго предчувствія будущей исторической жизни, съ надеждой, съ вѣрою въ прогрессъ человѣчества! Ожидать огня, чувствъ, страсти, генія мысли отъ этого ребенка?... Позвольте! Вы шутите; здѣсь умѣстна только иронія.

Пробужденіе! Но, вѣдь, общество будятъ только глубоко проникающіе въ глубь его интересы, связанные со всѣмъ его матеріальнымъ существованіемъ; его могутъ разбудить сильныя, проснувшіяся въ организмѣ чувства, подобныя тѣмъ, какія охватываютъ только созрѣвшую юность огнемъ страсти и жизни; наконецъ, иныя общества будятъ великія идеи. Но какія обстоятельства могутъ создать такое настроеніе въ нашемъ обществѣ? — я не знаю, и приближенія ихъ не предвижу скоро.

Матеріальные интересы есть, ими обурѣваемо сибирское общество болѣе, можетъ быть, чѣмъ какое другое, оно живетъ ими и питается; но о матеріальныхъ интересахъ коллективныхъ, мірскихъ, земскихъ, общественныхъ, — тѣхъ, словомъ, которые существуютъ какъ матеріальныя цѣнности цѣлаго организма, какъ представители общественной, гражданской жизни, — у насъ и помину нѣтъ, да и нѣтъ понятія объ нихъ, ибо это создается земской коллективной жизнью. Есть индивидуальныя, единичныя цѣнности и имущества, за которыя каждый трепещетъ; тутъ, конечно, есть индивидуальная чувствительность, и большая чувствительность. Въ самомъ дѣлѣ, представьте слѣдующую сцену.

Спитъ себѣ, наѣвшись пельменей и опившись квасомъ, стяжатель земныхъ богатствъ, мой другъ, сибирскій купецъ Кондратъ. Вдругъ — хвать у него кто нибудь изъ-подъ подушки бумажникъ.

Кондратъ осовѣлъ, вспрыгнулъ, глаза вытаращены, ротъ открытъ, сейчасъ заоретъ: караулъ!

— Бумажникъ мой, бумажникъ! судорожно тянется онъ.

— А ты зачѣмъ спишъ? говорите вы ему. — Трехсотлѣтіе проспалъ, — вотъ съ тебя за это штрафъ.

— Какъ? когда? какое столѣтіе? — ничего не слыхалъ, гдѣ звонятъ? Гдѣ пожаръ? въ какой части? Трясковой?

И ничего вы съ этимъ человѣкомъ не столкуете, потому что, отъ сна, у него глаза заволокло, умъ помутился; ему, какъ купцу въ комедіи Островскаго, небеса надтреснувшимися кажутся, молніи играютъ; одурѣлъ онъ, заспался. Бумажникъ! Да что въ его бумажникѣ толку? — плевать на него!

Чувства! Но, какими чувствами и когда жило это общество? Для чувства восторженнаго, чувства юности, нужна весна, свѣтъ солнца, ласкающіе лучи его, тепло и нѣга въ воздухѣ. Когда же наше общество переживало эту юность? Этой юности у него еще не было.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . Мы также жили, но ничего не подозрѣвали. Отдаленные горячіе лучи не растопили нашего холоднаго воздуха.

Вѣдь, если мой пріятель, коллежскій регистраторъ Сѣмечкинъ, надѣваетъ бѣлыя перчатки, увѣряя меня, что начался въ городѣ Проскудновѣ прогрессъ; если юнкеръ Шмидтъ увѣряетъ, что кругомъ весна и лѣто зеленѣютъ, — не могу же я этому повѣрить.

Великія идеи! великія человѣческія и философскія идеи европейскихъ мастеровъ! — мы слишкомъ далеко живемъ отъ нихъ. А тагильскіе мастера, надѣляющіе насъ сокровищницами съ Урала, не сдѣлали еще въ нашемъ ларцѣ особаго для нихъ помѣщенія. Идеи эти существуютъ гдѣ-то тамъ, въ Европѣ. Когда бьетъ европейскій барабанщикъ (о которомъ говоритъ поэтъ Гейне въ своихъ «идеяхъ»), бой его не доносится чрезъ снѣжную пустыню, звуки эти леденѣютъ. Даже чуткимъ ухомъ прилегши къ землѣ, не услышишь отдаленнаго перебоя. Создать самимъ идею?... Но кто же изъ насъ